

Афиша Париж - Европа

Веб-журнал "Европейская Афиша" № 14/03/2012 www.afficha.info

Долгое прощание с Одеоном.

Екатерина Богопольская

Оливье Пи прощается с Одеоном тремя спектаклями, представляющими разные ипостаси артиста. «Прометей прикованный» заключает цикл постановок трагедий Эсхила, начатый режиссером в 2008 году. «Солнце» - пьеса самого Пи, поставленная для актеров берлинского «Фольксбюне». В этом спектакле европейское предназначение Одеона соединяется с навязчивыми темами всей драматургии Пи - мир подмошток, судьба Поэта, искупление любовью. Наконец, под занавес, «Кабаре Мисс Найф» для узкого круга друзей: Оливье Пи прощается со своей публикой, облачаясь в одежды фривольной и раскованной певички парижского кафешантана, любимой травестиции артиста. Над сценой витает привкус провокации и скандала – как режиссер ведущего театра Европы может пристать в таком легкомысленном, на грани фола, жанре, сказали бы мы, если бы речь шла о другом. У Пи же это проявление самых сущностных его качеств – торжество артистического начала жизни, последний праздничный выход ярмарочного комедианта, с нежностью и печалью закрывающего занавес своего театра. В сущности, покидая театр, Пи хотел устроить феерический праздник, и ему это в высшей степени удалось.

Прометей как вызов.

«Прометей прикованный» Эсхила в Одеоне (вторая сцена, Ателье Берте, Ateliers Bertie) - монолог от первого лица, потому что Пи не только осуществил постановку по собственному авторизованному переводу, но и сыграл главную роль. На сцене только Пи и два партнера, Селин Шеен - хор Океанид и Ксавье Галле – Океан, Ио, Гефест, Гермес, а также Власть и Сила, приковывающие Прометея.

Мы уже писали о скандале, который разразился прошлой весной в Париже после того, как министр культуры Фредерик Миттеран неожиданно и, главное, абсолютно необоснованно, отказался продолжить контракт художественному руководителю Одеона Оливье Пи. «Прометей прикованный» - элегантный вызов, ответ

поэта власть имущим, в качестве наперсника взявшего Эсхила, и титана, вступившего в единоборство с Зевсом.

Когда откроется занавес, перед нами предстанет зеркально отраженный зрительный зал Одеона (Ателье Бертье), только пустой, с режиссерским столиком посередине. То есть такой, каким он бывает на репетиции. В сценографии чувствуется узнаваемый почерк Пи: актерская ложа у авансцены, как во всех его постановках, на сцене - знаменитая «Servante», театральный ночник на высокой опоре, который поддерживает огонь сцены, когда театр пуст, гирлянды цветных лампочек ярмарочного театра, которые переходили из одного его спектакля в другой.

И когда из-за столика на сцену выйдет Прометей - Пи с окровавленным лицом, утрированно театральным слогом взывая к справедливости, «Мое несчастье слишком велико, не могу умолчать», и далее словами Эсхила расскажет о своей обиде на богов, несправедливо наказавших его, о сердце, которое кровоточит, аллюзия окажется прозрачной. Режиссерский столик и есть та символическая скала, к которой здесь прикован Прометей. В откровенной театральности высказывания Пи - одновременно вызов новым Олимпийцам и горькая самоирония художника. Сравнить режиссера с Прометеем - это одновременно сравнить театр с огнем, который способен изменить жизнь, подобно огню Прометей. Прометей также излечил людей от страха смерти. Как? «Подарив им иллюзии», - отвечает титан в авторском переводе Пи.

Photo Alain Fonteray

Оливье Пи – Прометей и невичка Мисс Найдф

Эсхил относится к любимым авторам режиссера, и он поставил в Одеоне все дошедшие до нас пьесы греческого трагика. Начал с «Орестей», в которой сыграл роль Дозорного. Потом – «Семеро против Фив», «Просительницы», «Персы», с любовью к строгому поэтическому слову и ритму, без всяких прикрас, без прелестей режиссерских отступлений. И только в «Прометее прикованном» позволил себе прочтение, по сути, сделав этот спектакль манифестом. Огонь, который Прометей подарил людям, по Пи,- это театр и поэтическое слово. Но Прометей платит также за то, что дал людям Слово свободы. Страдания прикованного Прометей – это, по Оливье Пи, цена, которую он платит за свободу слова для себя, и для нас: «Для меня огонь Прометей - это речь (слово). Она обозначает пространство свободы, достаточно узкое, но, тем не менее, единственное, где боги оставляют нам возможность сформулировать то, чем мы живем. Наверное, это пустяк, но по Эсхилу это единственный дар Богов нам».

Прометей совершает то, что должен совершить, даже если заранее знает, какая ему за это уготовлена кара. И в этом «Прометей прикованный» - пьеса политическая. Эсхил в своей последней трагедии дает нам урок неповиновения. Вычитав в подлиннике фразы об «Арабии, натачивающей ножи» (во время странствий Ио), Пи развил тему до сегодняшних арабских революций – во время рассказа Прометея Селин Шеен - Хор вытаскивает знамена стран «арабской весны».

В финале режиссер позволяет себе поэтическую вольность – дописывает за Эсхила утраченный последнюю драму трилогии, «Прометей освобожденный», в которой со свойственным его слогу пафосом провозглашает пришествие Гермеса, превращенного из вестника богов в «Бога слова».

«Солнце» (Берлинская программа Одеона).

Die Sonne (Солнце) – пьеса, написанная Пи специально для актеров знаменитого берлинского театра «Фольксбюне». В то время как Франк Касторф экспериментировал вместе с французскими актерами над «Дамой с камелиями» Дюма-сына в Париже, Оливье Пи в Берлине поставил «Солнце», экзальтированное путешествие вглубь романтической души немецкого театра, совпавшей с постоянными темами самого автора-режиссера.

Все спектакли Пи, по сути, могли бы происходить на ярмарочной площади. В этом сила, но и ограниченность его театра. «Поочередно являлись мы на эту ярмарочную площадь, чтобы мокнуть под лимбами кулис и гримас. Маска - наша крестная ноша, она же наше спасение¹». В этом смысле «Солнце» - продолжение личной мифологии Пи, перенесенной на немецкую почву. Посредине подмостков – коробка театра из серого, типично берлинского кирпича, которая благодаря вертящемуся кругу сцены открывает нам все свои внутренности: музыкант за роялем, огромный бутафорский конь, явно из романтической драмы, кулисы, лесенки и т.д. (сценография Пьера-Андре Вейца). Символика солнца здесь амбивалентна. И даже рискованна. «Я хотел развязать для нового поколения немцев inferнальный круг виновности, вернуться к традиции Германии романтической, берущей истоки в Греции, той, что предшествовала нацистской символике свастики», - объясняет режиссер.

Photo Thomas Aurin

Аксель - Себастьян Кениг

¹ Оливье Пи. Ночь в цирке. Пер.Татьяны Чугуновой

«Меня всегда где-то ждут, - говорит в финале Аксель, главный герой пьесы, этакий вакхический поэт и немного сатир, - мужчины, женщины, дети. Но также леса, нуждающиеся в чудесах, и истории, нуждающиеся в воздухе, и разбросанные камни - чтобы сложиться в собор...» Аксель, alter ego Пи, дух жизни, гений артистического, неуправляемого начала жизни, – это великолепный актер Себастьян Кениг, главная удача спектакля. Когда неуловимый Аксель окажется на дороге маленькой театральной труппы, состоящей в основном из членов одной семьи, он, подобно дрожжам, перебродит все. Аксель и его невразумительные речи, Аксель и его обаяние с налетом тайны и развратной свободы, соблазн отдаться на волю случайных безумств, ощутить в себе опьянение собственной силой, возможность любого предназначения...

Пять актов, как пять времен года, от весны до весны: пробуждение природы, триумф летней силы и, через отчаяние осени, снова возвращение к вечной весне Акселя. В символике пьесы, Аксель – юг, средиземноморский характер. Жозеф (Лукас Призор), драматург и директор труппы передвижного театра – это Север, Германия (забавно, что центральный персонаж труппы - его мать, Елена, примадонна в стиле Дитрих, роль которой исполняет Ильзе Риттер, примадонна «Фольксбюне»).

Photo Thomas Aurin

Елена –Ильзе Риттер

Наследие отцов и вопросы театра решаются в «Солнце» вперемешку. Любовь-ненависть Акселя и Жозефа – это два видения театра, дионисийская модель и другая, политизированная и этическая. Жозеф более всего на свете дорожит туфлями погибшего отца. По ходу пьесы, эти Отцовские туфли переходят от одного персонажа к другому, но ни одному не подходят. И только когда Аксель и Жозеф приближаются к границе смерти или экзистенциального опыта приходит озарение – наследие отцов нужно поделить поровну, и тогда вместе они составят полноту отцовской любви, то есть Германии. Как часто у Пи, в «Солнце» говорят слишком много, слишком пафосно. Иронизируют над модным постдраматическим театром, произносят долгие цветастые тирады во славу театральной поэзии и поэтов, здесь и там мелькают восхитительные травести, знающие цену своему обольстительному искусству, но оттого не менее навязчивые, являются потерянная дева-невеста и слишком уверенная в своей силе мать и т.д. Тогда как французам свойственно еще больше подчеркивать театральность режиссерского и драматургического почерка Пи, здесь чрезмерность стиля отстраняется непафосным реализмом немецких актеров. Результат? Лучший спектакль Пи по его собственной пьесе из всех, виденных нами на сцене Одеона за 5 лет! Вообще,

критика, в отличие от «Ромео и Джульетты», очень восторженно приняла «Солнце». «Радость игры и интеллектуальная сопричастность актеров, которые, это чувствуется, счастливы защищать перед нами текст Пи и работать под его руководством, захватывает всех и все», - восклицает театральная обозревателка газеты «Figaro» Армелль Эльо, чтобы заключить: «публика устроила триумфальный прием спектаклю, актерам и автору-режиссеру».

Оливье Пи удалось уйти из Одеона красиво. Впереди – Авиньонский фестиваль, который он возглавит в 2014 году.